

Белла Гусарова

Поэт. Родилась в Ленинграде на Васильевском Острове. В десятидневном возрасте была увезена за Полярный Круг — набираться мужества и смелости для жизни, изучать историю искусств, любоваться северными сияниями и мечтать о возвращении на родину и о далеких теплых странах. Родным городом считает Санкт-Петербург, но живет и в Москве, и на Северном Кавказе, и неизвестно еще, где будет. Кочевья жизнь — по карме. Печталась в различных журналах и альманахах (в т. ч. зарубежных), издано семь поэтических сборников. Стихотворения переведены на финский, немецкий, французский, испанский, английский языки. Организовывала сольные медиа-поэтические проекты в клубах, книжном магазине «Фаренгейт 451», библиотеке им. Маяковского, в городах Инстербург, Казань и др.

Кому на Руси жить

В полдневный жар среди холмов Кубани

В полдневный жар в долине Дагестана...

М. Ю. Лермонтов

Я сижу на плите от фундамента старого дома
Надо мною раскинулась ветками алыча
На корове звенит колокольчик, другие мычат
Отвлекают от чтения умного толстого тома

Это лето на ферме кубанской, о, Южная Русь
Здесь ступал Герой Времени Нашего, двигаясь в горы
Одиночества, боли, и ближе к небесным просторам
Я когда-нибудь тоже до них доберусь

В Дагестане была, но мне нужно к подножью Машука
Жаль, пора возвращаться в Москву непрерывно скучать
По зеленым холмам. До свидания, алыча
Знаю, жизнь не «пустая и глупая» скука

Не утонуть бы

Андрею Репешко

Только в пятой серии он мне все рассказал.
Закрыв дверь входную, железные ворота
По причине ливня, ветра.
Началась гроза,
Чтобы его откровения не услышал еще кто-то.
Но мне интереснее каменный дождепад,
Бояться, что крышу сорвет, прилетит шаровая молния,
Смотреть на искристый волнующий сад,
Думать о собрании сочинений полном,
Написанных за небесцельно прожитые годы,
Что у природы нет плохой погоды
И тэдэ... Но предо мной череда картин
Грустных, отчаянных, безысходных.
Мне исповедовался либертин.
В излишнях свободных
Поняла, что в океане воспоминаний нет дна.
И смириться, что он всегда один,
Гораздо труднее, чем с тем,
Что я — одна.

Однажды в Чегемском ущелье

Здесь в разломе земли скалы плачут.
В нашей сакле царит беспорядок.
Это вам не рублевские дачи.
Нет прислуги у нас и рабов.
Дорогой муж кумыс попивает.
Я невинно и глупо сажу рядом.
И когда он идет привязать
Коня, тайно пригубливать чачу
Умудряюсь. Муж лучше меня.
Но нашла кайнозойских моллюсков.
Их туристам продам не для пищи.
И сама не фанатка seafood.
Пусть их ставят в серванты, дурищи,
Второй раз они не помрут.

Говорю мужу: «Что-то наш Чегем
Расшумелся. Зарежем барана?
Парадокс: в горах мы, но на днице
Тетис — древнего океана».
Муж слегка на меня покосился —
Ну, откуда такое умище
У горянки простой. И ответил:
«Ложись спать, встать рано».

Пропала в Карстовой воронке

На древней земле аланов
Между гор-лакколитов
Братья Джузеппе-Джованни
Построили город-курорт

Зову тебя, я зову тебя
Со мною в горячие ванны
Скорее нырнуть в неглиже
Увы, без шампанского, стыдно
Пред всеми гусарами, странно
Пред всеми бесстыжими, скромно
Незрелое тело мое

Погладь меня из воды целебной
Сыграй на эоловой арфе
Чтоб не провалиться в пещеры
В провалы души заведи
И там замуруй меня
Серой
Пусть пахнет и водородом
Мы выплывем из народных ванн
Наверное, к сентябрю
Зову тебя, я зову тебя
Сказать, что бессильна в глупостях
И очень неубедительно
Не зря о любви говорю

К монастырскому озеру

Дайте пачку бумаги и цветной карандаш,
Можно несколько, только заточенных ярко —
Нарисую неровный даосский маршрут
От животных начал к колокольному звону.
Горы прячут уран, я лелею печаль,
Но от этого мне не становится жутко.
Я такая одна, и давно не одна
От красот Пятигорья слабею рассудком.
Вот бежит тощий лис, воплощение лжи,
Лицемерья, ума, колдовства и порока.
Это мой лунный парень от счастья дрожит,
Это мой проводник к безопасной дороге.
С берегом защит он принес эликсир
Того самого месяца летнего зноя,
Чтобы разум и сердце любили весь мир
До оргазма, до судорог боли, до воя...

Герои новой империи

Пойдем в шатер, поднимем тост за степи,
Нам скоро в путь к великому Отрару.
Там в будущем покинет мир Тимур,
С Востока на Восток взирая Дальний,
Откуда мы вернулись, взяв Пекин.
Ты слышишь, шепчет степь о днях батальных
Из прошлого. Бушующие маки
О многодневном тлеющем пожаре
Напоминают. И шумит ковыль,
Как тут бродили скифы-саки, гунны,
Как вой шакалов разливался в свет,
Свободой очарованный, подлунный,
И чертыхался вслед чертополох.

Убив купцов с послами, хорезмшах
Или его приспешники призывали,
Приблизили последний смертный вдох.
Молочной водки лей, закусим мясом
За тех, кто навлекает катастрофы
На свой народ. И по закону Ясы
Отплатим вероломным. И потом

В Тебриз, в Тбилиси, к доблестным аланам —
Достойным конникам, и снова встретит степь
После коварных горных камнепадов.
И в Крым успеть, и в Русь сходить, и к Волге.
Вернуться с новостями в главный Юрт.
Поход наш будет долгим, очень долгим.
Так выпьем за чужих земель приют!..

Так пили у костра, в дыму, в тумане
Перед отправкой в трехгодичный тур
Стратеги тактики масштаба мирового —
Нойон и багатур.

Кому на Руси жить

Будьте осторожнее, князи,
Родословно древо ветвисто.
Где, когда, какой на престоле —
Нелегко запомнить по книгам!
Безымянных воинов жалко,
Полегли костями близ Калки.
Недооценили монголов
Легко-мыс-лен-ные Мстиславы.

Половцы — союзники лживы,
На дары купились как дети,
Бросили алан на Кавказе,
К русам прискакали, кто выжил
Ненадолго в битве суровой.
Тенгри отвернулся от жадных
Степняков, но не от монголов.
Бог князей оставил-покинул.

Голыми руками могли бы
Славны генералы Чингиза.
Мстили за побег половецкий
Да разведать земли хотели.
Но случился сдвиг эпохальный.
Много рассуждают об этом.
Я наверняка не отправлюсь
Ни в одно из войск регулярных.